

Олег Сергеев

Чужой портрет

Олег Сергеев

Чужой портрет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25279260

ISBN 9785448557316

Аннотация

Молодой художник Пол Вербер бежит во Францию, скрываясь от обвинения в растлении несовершеннолетней девушки. В Париже он снимает квартиру вдвоем с совсем еще юным Джеймсом, обучающимся живописи. Через некоторое время Пол понимает, что Джеймс не тот, за кого себя выдает.

Чужой портрет

Олег Сергеев

© Олег Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4485-5731-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пол с мрачным видом открыл дверь одного из многих питейных заведений, постоянным посетителем которых он стал в последние две недели. Дверь визгливо скрипнула и, захлопнувшись, издала глухой протяжный гул. Внутри, как и обычно, было сильно накурено и пахло перегаром и сгоревшим мясом. Пепел сбрасывали прямо на заплесанный пол – пепельницы здесь были в большом дефиците. Пол прошел, качаясь, между рядами деревянных столов, за которыми сидела самая разношерстная публика – кабак Боба был одним из самых дешевых в своем роде. Сюда наведывались и нищие студенты, и последние пропойцы, и работяги-весельчаки, и любители помахать кулаками в пьяной компании, и извозчики, забавлявшие посетителей своими байками; было много и случайных прохожих. Пол присел у края полупустого стола в самом углу кабака и махнул Бобу рукой. Тот, прошептав что-то на ухо мальчишке с испачканным лицом,

с готовностью подскочил к своему постоянному и любимому клиенту и, радостно улыбаясь и вытирая руки о и без того грязный и засаленный фартук, проворковал:

– Как обычно?

Пол мрачно кивнул, не проронив ни слова. Боб заулыбался еще шире, обнажив ряд коричневатых прокуренных зубов, местами уже гнилых. Через несколько минут он уже ставил на стол холодную телятину, нарезанный крупными ломтями сыр и большую кружку пива. Пол пригласил его сесть рядом и молча принялся за еду.

Бобу нравился этот необычный, не похожий на остальных, гость. Он приходил через день, пил пиво, ел мясо, иногда с большой охотой обсуждал с Бобом погоду или последние новости, но чаще из него не вытащить было ни слова. Он интриговал хозяина кабачка, и тот с удовольствием обслуживал Пола.

– Снежок сегодня, – начал Боб, расчесывая свою редкую рыжую бороду – всю в хлебных крошках – мясистыми пальцами с обгрызенными ногтями. Пол кивнул и еще усерднее заработал челюстями.

– Не мерзнете в своей кацавейке? – и он с иронией, смешанной с жалостью, осмотрел худое пальтишко Пола с выглядывавшей подкладкой. Пол согрелся, размотал грязный клетчатый шарф и отхлебнул еще пива. Щеки его порозовели, Голова слегка поплыла. Проблемы и горести минувшей недели отошли на второй план. Да и, в конце концов, надо

было набраться смелости и начать этот неприятный для Пола разговор.

– Боб, – Пол закашлялся и снова хлебнул пива, – у меня будет к Вам небольшая просьба. Боб с готовностью наклонился, и глаза его наполнились блеском.

– Да, всегда рад помочь дорогому гостю.

– Боб, мне нужны деньги. Для начала франков десять. О! – тут же воскликнул Пол, заметив неприятное удивление на лице трактирщика. – Не подумайте ничего плохого. Это всего лишь для того, чтобы расплатиться за квартиру. Я нашел отличную студию на Сен-Жермен, освещение просто блеск! – затараторил он. – Но стоит она двадцать пять франков в месяц, то есть около шести франков в неделю. Я планирую устроиться на работу и в дальнейшем буду платить за жилье сам, но сейчас... Сейчас мне не хватает всего двенадцати франков. Если бы Вы одолжили мне десять, я договорился бы с хозяйкой насчет двух недостающих франков... – Пол выпалил свою тираду, смочил горло пивом и зажевал остатками телятины.

– Вы планируете снимать квартиру один?

– Да, хотелось бы. В Париже я мало еще с кем знаком – потому и обратился к вам. Да и кроме того род моей деятельности не позволяет мне жить с кем попало...

– А Вы у нас?.. – бесцеремонный трактирщик окинул его жадным взглядом с головы до пят, пытаясь понять, кем же трудится этот худосочный молодой еще мужчина.

– Я художник, – тихо выговорил Пол и опустил глаза.

– Ах, ну да, конечно! Как же я сразу не догадался! – и Боб хлопнул себя по лбу своей волосатой рукой. – Художник! Ну, – и он радостно потер ладони, – я, кажется, знаю, как помочь Вашему горю!

Боб был до того счастлив возможности оказать безвозмездную услугу такому интересному посетителю, что закричал от удовольствия. Глаза его горели, от волнения он даже начал задыхаться и тут же опрокинул принесенную Полу вторую кружку пива. На вопросительный взгляд последнего трактирщик беспечно махнул рукой:

– За счет заведения! Сегодня я Вас угощаю! Давно мечтал познакомиться с *настоящим* художником! – и Боб снова закричал.

– Вы, кажется, сказали, что можете мне чем-то помочь? – робко напомнил Пол. – Жить в гостинице – пусть и самой дешевой – накладно, да и совсем неудобно.

– Ну да, ну да, – с готовностью закивал Боб. – Знаете, – он нагнулся к Полу и понизил голос, – есть у меня на примете пацаненок один. Тоже художником стать мечтает. В колледж хочет поступать, сейчас вот жилье ищет. Если б вам объединиться как-то и вместе пожить, ну хотя бы первое время...

Пол не дал ему договорить:

– Да! Да! Это мне вполне подходит! Это было бы замечательно! Тем более, он тоже почти художник – значит, найдем общий язык. Хотя для начала не мешало бы конечно позна-

комиться, – и он нахмурился, а по лбу его пролегла глубокая морщинка – Пол тяжело сходился с новыми людьми.

– Так устроим! – Боб похлопал Пола по плечу, как старого приятеля. – Он сегодня вечером придет, я ему обещал насчет жилья подумать. Тут-то я вас и сведу! Заходите часика через три – ну к девяти часам, в общем, и я все улажу!

Пол поднялся и попытался достать кошелек, но Боб немедленно остановил его, заявив, что тот его обижает и не уважает, и что Боб Реддинс своих решений не меняет.

– С одним лишь условием! – вдруг крикнул он вдогонку уже уходящему Полу. – Покажите мне свои картины – уж больно я живопись люблю!

Тот ласково улыбнулся и заверил разволновавшегося хозяина кабака, что он будет его первым зрителем и критиком.

Снег припустил и валил крупными мокрыми хлопьями, тут же таявшими в объятиях мостовой, образуя лужицы. Париж тонул в слякоти и свете фонарей, воздух был мокрым и пах грязью и лекарствами – в городе вновь свирепствовала чахотка. Пол поднял повыше воротник, обмотал шарфом нижнюю часть лица и шагнул в снег. Народ заполнил улицы – клерки бежали с работы, студенты – на свои традиционные юношеские посиделки, женщины – по магазинам. Мимо то и дело проносились пролетки, раздавались крики кучеров и свист хлыстов. Париж оживился, встряхнул под вечер перьями и засуетился, загудел, заговорил многоголосицей своих обитателей. Пол на мгновение утонул в его трущобах, по-

теряв всякое представление о том, где он находится, и понял, что заблудился – он еще не успел привыкнуть к тому, что улицы в Париже никогда ничем не заканчиваются, а плавно перетекают одна в другую, то протискиваясь между серыми домами, то распластавшись площадями и скверами.

Увидев невдалеке вывеску «Аптека», Пол решительно направился к ней, чтобы узнать, как ему снова попасть на Сен-Жермен. Дверь открылась, Робко звякнул колокольчик, но на вновь вошедшего не обратили ни малейшего внимания – аптекарь с кем-то тихо препирался. У прилавка стояла невысокая девушка в светло-голубом капоре и сером пальто и, склонив голову, что-то внимательно рассматривала у себя на ладони.

– Все равно не хватает, – едва слышно пробормотала она и подняла глаза на аптекаря.

– Извините, мадмуазель, ничем не могу Вам помочь. Ваша маман и так уже задолжала сверх меры.

Увидев Пола, аптекарь улыбнулся и подошел к нему:

– Я чем-то могу помочь? Пилюли, порошки, микстуры, а, может быть, успокоительные бальзамы? – и он хитро подмигнул.

У девушки дернулись плечики и, отойдя к окну, она стала поспешно вытирать глаза и поправлять капор.

– Простите, мисс, – обратился к ней Пол на английский манер, – сколько Вам недостает на лекарства?

– Одного франка и пятнадцати су, – всхлипывая, едва

слышно выдавила она.

– А, ну это ерунда, – Пол достал из кармана деньги и положил на прилавок. – Дайте ей чего она просит.

Аптекарь с готовностью кивнул и убежал в соседнюю комнату за порошками. Девушка с благодарностью посмотрела на своего спасителя, ее огромные серые глаза тут же просохли и засияли:

– Спасибо Вам большое... Если бы не Вы... – и она осеклась – вошел аптекарь и протянул незадачливой покупательнице коричневый бумажный пакет с наклеенным на него рецептом.

– Но долг Вам все-таки придется вернуть! – крикнул он ей вслед.

– Постойте! – Пол вдруг схватил ее за руку и вышел из аптеки за ней следом. – Я Вас провожу.

– Ну что Вы, не стоит, – смущенно залепетала она. – Я вам и так очень обязана...

– Зато у Вас появилась возможность расплатиться со мной. Услуга за услугу, так сказать.

Девушка бросила на него испуганный взгляд и отчаянно замотала головой, порываясь убежать.

– Да нет же! – Пол снова схватил ее за рукав. – Вы меня не так поняли! Я просто хотел спросить у Вас, как мне попасть на улицу Сен-Жермен.

Глаза юной особы радостно сверкнули:

– Это совсем не далеко от нас. Пойдемте, я Вам пока-

жу. И она заторопилась, семена своими худенькими ножками в грязных и худых ботинках.

– Меня зовут Пол, – догоняя ее, произнес он.

– Синтия, – едва слышно вымолвила девушка.

– Вы тоже англичанка? – удивился Пол.

Синтия была наполовину англичанкой наполовину французской. Ее мать наняли гувернанткой в дом богатого французского барона де Превера, и в нее тут же влюбился старший брат ее воспитанника – наследник барона – Филипп. Юная Ли, совсем не опытная в любовных делах, едва сумевшая найти работу и самостоятельно встать на ноги, чтобы помочь когда-то знатному, а ныне обедневшему роду Пратчеттов – а именно своей огромной семье, сплошь состоявшей из пожилых тетюшек, больных дядюшек и восторженных сестриц, мечтавших о замужестве и считавших ниже своего достоинства идти в прачки или воспитательницы, не сумела дать настойчивому денди должного отпора и уже несколько месяцев спустя была с позором изгнана из благочестивого семейства. Впрочем, Филипп оказался человеком чести и не преминул предложить ей руку сердце, что она в недоумении отклонила: Ли не хотела, чтобы барону потом пришлось жалеть о потере наследства по вине ошибки юности. Однако, тот исправно помогал деньгами Ли и ее новорожденной девочке – Синтии, так ни на ком и не женившись, и они долгое время ни в чем не нуждались, но три года назад Филипп скончался от чахотки, проведя несколько безуспеш-

ных лет в санатории в Пиренеях. С тех пор Синтия и ее мать оказались за чертой бедности: Ли слегла тут же после смерти своего возлюбленного, а дочери, работавшей гувернанткой в нескольких домах, все же не вполне удавалось полностью покрывать расходы на дорогостоящие порошки и услуги докторов. На одежду средств и подавно не хватало, что Пол проницательным взглядом художника уже успел отметить.

Не сказать, что его новая знакомая была хороша собой: она не обладала той особой неуловимой прелестью парижанок, за которой отчасти и гнались мастера кисти как за собственным вдохновением, однако голубая кровь де Преверов давала о себе знать в повороте головы, в утонченных кистях рук и удлинённых ногтях, в тихом голосе и даже во взгляде пасмурно-голубых глаз – ровно под цвет ее капора.

– Вы зайдёте к нам сегодня на чай? Маман будет очень рада гостям, они у нас так редко бывают...

– Только после десяти, пожалуй, – обреченно выдохнул Пол. – Раньше никак не выходит.

– Да, конечно! Мы с маман очень поздно ложимся, поэтому в десять будет в самый раз! – воскликнула Синтия и взялась за ручку двери дома, у которого они очутились. – Ну, вот я и пришла. Спасибо Вам большое за все. А что касается Сен-Жермен, то Вам нужно всего лишь дойти до конца этой улицы, повернуть направо, пройти до площади, там и начнется Сен-Жермен...

Пол с благодарностью пожал ее крошечную руку в поношенной грязно-белой перчатке и молча исчез в темноте.

Мадам Люазо обреченно покачала головой:

– Еще один жилец? Я могу Вам доверять мсье Пол?

– О, конечно! Я сегодня же вечером приведу его сюда показать студию, и у Вас будет возможность оценить его. В наше время живописцу слишком сложно найти подходящее место для работы – освещение и архитектура в Париже уже давно не те...

Мадам Люазо понимающе закивала головой:

– Я Вас понимаю. Эту квартиру давным-давно выстроил мой дед, который обожал живопись, поэтому на нее всегда очередь из страждущих художников. Так и быть, я пойду Вам навстречу, мсье Пол, и подожду Вашего товарища, но заехать и внести задаток вы должны уже завтра.

Пол быстро закивал, уверяя хозяйку во всей серьезности своих намерений, и отправился назад к Бобу, поскольку до предстоящей встречи оставался всего час.

После семи Боб был обычно завален работой, но при этом даже не думал взять себе помощника и вовсе не по природной скупости, так свойственной хозяевам грязных кабачков для бедноты. Как ни дико это могло прозвучать, но он просто очень любил свою работу: любил засаленный деревянный прилавок – залитый пивом и заплеванный табаком, любил крепкую ругань завсегдатаев сего питейного заведения и их грубые манеры. Любил нередкие драки, сломанные стулья

и битую посуду – расходы, которые протрезвевшие наутро извозчики неизменно возмещали – никто не хотел ссориться со стариной Бобом, его все любили, пожалуй, не меньше, чем он их. Меню в кабачке было совсем скудное, пиво – дешевое и дурное на вкус, но Боб делал все, что мог, чтобы угодить посетителям: дорогое пиво не мог себе позволить никто – ни завсегдатаи, ни сам Боб.

Роберт Реддинс приехал во Францию около двадцати лет назад совсем еще мальчишкой, так же, как и Пол, мечтавший стать художником, нашел неплохую и недорогую студию и устроился на работу в одну из пивных по соседству, чтобы покрывать расходы на аренду квартиры и покупку кистей, красок и холстов. Поначалу дела шли почти отлично: утром и днем, когда солнце заливало ярким светом всю студию, он писал, а по вечерам разносил посетителям пиво. Он мечтал поступить в местный колледж, организовать собственную выставку и стать известным живописцем, однако, жизнь повернулась иначе. Хозяин студии вскоре скончался, а его приехавший из Канады франт-сын не пожелал сдавать в аренду столь прекрасное жилье и выставил Боба за дверь. В поисках подходящей студии тот обошел, казалось бы, весь Париж, но за ту цену, что он мог себе позволить, нашел тогда лишь грязную квартирку на чердаке многоэтажного дома, где и поселился, решив для начала попробовать писать там. Однако квартирка отличалась часто встречающимся в парижских квартирах полумраком, и Боб едва мог отличить красный

цвет от синего в подобных условиях. Отложив на время работу, он пытался скопить денег на колледж, но тут скоропостижно скончался и хозяин пивной, и Бобу ничего не оставалось, как взять управление в свои руки. В торговых делах опыт его был весьма скуден, однако он сумел наладить кое-какой уют в помещении, да и клиентура была в целом давно ему знакомая. Доход теперь выходил не в пример выше, и Боб с возобновившимся усердием принялся копить на поступление в колледж. Поступить ему, впрочем, так и не удалось ни в первый год, ни в несколько последующих: преподаватели напрочь отказывали ему в каком бы то ни было даровании, и Боб, проплакав несколько ночей в подушку, в конечном итоге смирился со своей участью хозяина кабака и полностью отдался этому делу, похоронив мечты о славе живописца глубоко под слоями копченой телятины и голландского сыра.

Теперь же встреча с Полом разбередила все его прежние стремления и желания, и он, давно отказавшись от мысли чего-то добиться на данном поприще, решил, по крайней мере, оказывать посильную помощь всем попадающимся на его пути живописцам, коих – в силу особенностей его заведения – он встречал весьма редко. Знакомство с Полом стало подарком, и Боб ни в коем случае не хотел упускать возможности оказать ему услугу.

До назначенного Бобом часа оставалось минут сорок, и Пол в ожидании присел в самом тихом и темном углу ка-

бака, махнув рукой проходящему мимо с пустыми пивными кружками хозяину. Боб с готовностью кивнул, улыбнулся и подмигнул, давая знать, что он все понял и договоренность в силе. Через десять минут на стол Пола плюхнулась неизменная говядина с сыром и две кружки пива.

– Он обещал придти, – с жаром заметил Боб, тут же отбегая обслужить новых посетителей.

Пол спокойно допил пиво и дожевывая оказавшуюся на изумление вкусной говядину и закурил. В этот самый момент в кабачок вошел незнакомец – прежде Пол никогда его не встречал здесь. Это был стройный юноша с густыми каштановыми волосами и пронзительными зелеными глазами. Одетый бедно, но весьма опрятно и даже с долей вкуса, он производил определенно удивительное впечатление. К нему тут же подскочил Боб и повел к столу Пола.

– Вот, знакомьтесь, – улыбаясь, пропел Боб.

– Джеймс Ретфорд, – глухим голосом едва слышно произнес молодой человек.

– Пол Вербер, – и Пол с готовностью протянул ладонь для рукопожатия.

Боб, деловито и заискивающе откланиваясь, тут же вернулся к работе, не желая мешать молодым людям, а Пол пригласил Джеймса присесть.

– Что Вас привело во Францию?

– Живопись. Давно собирался стать художником, слышал, здесь один из лучших колледжей. Планирую поступать

на следующий год.

– А живете где?

– Боб пока у себя приютил на время, обещал что-то подыскать. И вот – сдержал обещание, – Джеймс тепло улыбнулся, откидывая со лба густые темные пряди медных волос.

Он был невысокого роста и обладал на редкость утонченной внешностью – гладкой белой кожей, еще не знавшей бритвы, и удивительными чертами лица, что Пол – как художник – не мог не отметить, тут же решив, что обязательно напишет его портрет.

– Жить на что собираетесь? Мои картины худо-бедно, но все же продаются, мне заказывают портреты, я даю уроки. На шею мне не сядете?

– О, ну что Вы! – воскликнул Джеймс и покраснел. – У меня есть кое-какие сбережения... И потом... я могу помогать Вам с заказами, вместе мы сделаем гораздо больше...

– Для начала я должен увидеть твои картины, – резко перешел на «ты» Пол.

– Да, да, конечно, – с готовностью закивал юноша и подозвал Боба. – Боб, мистер Вербер хочет видеть мои картины.

Боб расплылся в счастливой улыбке и, достав из засаленного передника ключ, протянул его Джеймсу:

Покажи ему, сынок.

Квартирка Боба располагалась по соседству с кабаком – на этот раз он сумел разжиться куда более просторным и светлым жильем. Джеймсу была отведена лучшая комната

с окнами на улицу, а не в темный двор, там же стояли и его картины. Войдя в свое жилище, юноша зажег лампу и поднес к неоконченным холстам у стены, и Пол принялся придирчиво осматривать работы. Крупные грубые мазки и в целом манера напомнили ему что-то отдаленное и неуловимое, увиденное когда-то в далеком прошлом, но где и когда – вспомнить он не мог. В картинах преобладали синие и коричневые цвета, но вместе с тем и был какой-то свой дух – чувствовалось большое мастерство их автора.

Пол поднес лампу ближе и удовлетворенно хмыкнул:
– Пожалуй, мы сработаемся. Ты готов посмотреть студию?
Джеймс робко кивнул, и уже через пять минут оба они шагали по направлению к Сен-Жермен.

На Париж медленно опускалась ночь. Снег едва-едва прекратился, но неизменная сырость проникала под одежду и вонзала в кожу свои жадные когти. Художники почти бежали, спеша разделаться с этой условностью просмотра жилья и поскорее разбрестись по домам, а Пол мечтал о чашке горячего чая из рук голубоглазой Синтии. Хозяйка студии уже собиралась отойти ко сну, когда они пришли.

– Вот, мадам Люазо, как и обещал – Джеймс Ретфорд, мой сосед.

Женщина окинула юношу придирчивым взглядом, сдержнула с него шарф и попросила расстегнуть пальто.

– Он здоров у тебя? – с сомнением спросила она. – Чего дохлый такой?

– Подросток пока, – пожал плечами Пол. – Тебе сколько?

– Скоро семнадцать, – промямлил Джеймс и снова покраснел.

– Деньги-то у тебя есть? – нахмурилась хозяйка. – И как только родители отпустили...

– Это они меня и отправили сюда – в колледж поступать. Поэтому денег хватит на все! – с жаром начал Джеймс.

– Ладно, довольно. Завтра с утра жду оплату за месяц вперед и милости прошу, а сейчас мне пора на покой, – и она заразительно зевнула.

На улице Пол и Джеймс попрощались, договорившись наутро в десять встретиться у студии с вещами и деньгами. Джеймс поспешил назад к Бобу сушить промокшую обувь, а Пол пошагал к площади, надеясь отыскать дорогу к дому своей новой знакомой, и уже ровно в десять, как и обещал, стоял у ее двери, с досадой осознавая, что ничего не принес к планируемому чаепитию.

За дверью раздались шаги, и на пороге возникла грузная женщина средних лет.

– Миссис Пратчетт? – прищурился Пол, вспоминая фамилию Синтии.

– Вы к Пратчеттам? – пробасила женщина и, приглашая его следовать за ней, тяжелой поступью зашагала по темному коридору.

У покосившейся двери с облупившейся краской она остановилась и со всей мочи заколотила в нее кулаком.

– Синтия! Открывай! К вам пришли!

За стеной слышался шорох и вслед за ним легкие семенившие шаги. Дверь отворилась с жутким леденящим душу скрипом, и Синтия в темном шерстяном платье, подслеповато озираясь, вышла в коридор. Пол шагнул ей навстречу, делая знак провожавшей его женщине, что более не нуждается в ее услугах, и та, равнодушно пожав плечами, промаршировала к себе в комнату чуть дальше по коридору.

Глаза Синтии радостно засверкали, как только она увидела Пола:

– А мы ждали Вас! Проходите скорей. Маман уже полчаса про Вас спрашивает, когда же придете...

– Простите меня, Синтия, я так к вам спешил, что совершенно забыл заскочить в кондитерскую – показывал своему новому соседу квартиру, в которую мы оба завтра переезжаем. У вас здесь есть какая-нибудь булочная по соседству? Завтра же обещаю принести кулек круасанов!

– Ах, ну что Вы, – и краска залила ее юное личико, – не стоит, право же... Впрочем кондитерскую я Вам покажу, а сейчас проходите же скорее.

– Синтия! – из глубины комнаты раздался низкий женский голос. – Кто там? Это мистер Вербер?

– О, да, мамочка, это он! Я же говорила, что он непременно придет! – и Синтия помогла Полу раздеться и повела его в дальний угол к столу, за которым в единственном в этой комнатухе кресле полулежа располагалась еще красивая,

но очень худая женщина.

– Это миссис Ли Пратчетт, моя мама, – улыбаясь кивнула Синтия в сторону женщины и подвинула стул для Пола. Пол подошел к миссис Пратчет, едва коснулся губами ее тонкой и бледной руки и присел к столу, на котором уже дымились три чашки ароматного чая.

– Мммм, – пробормотал Пол, прикрывая глаза, – какой аромат!

– Это Син сама придумала добавлять в чай сушеные апельсиновые корочки и засохшие цветочные лепестки... Правда, у нас в доме не так часто бывают цветы, поэтому и чай этот мы бережем исключительно для гостей, – и миссис Пратчетт зарделась от удовольствия.

Пол внезапно ощутил новую волну стыда за то, что пришел с пустыми руками, и опустил голову. Он твердо решил завтра прислать им круассаны и свежие цветы.

– Ну, рассказывайте, мистер Вербер, как Вы оказались во Франции?

Пол отпил глоток обжигающего чая и пробормотал:

– Здесь гораздо проще продавать картины, да и выбор студий куда обширнее... Впрочем я и в целом очень люблю эту страну, я чувствую себя здесь дома, в Англии такого никогда прежде не случалось, хотя я провел там всю свою сознательную жизнь...

Син села у ног матери на крошечную деревянную скамеечку и подперла щеку кулаком, внимательно вслушиваясь

в рассказ Пола.

– Я хотел бы здесь осесть и со временем остаться навсегда.

Миссис Пратчетт поправила свою нехитрую прическу и чуть подалась вперед, внимательно осматривая Пола:

– Вы удивительно красивый молодой человек. Правда, Син? Такой красоты я прежде не встречала, хотя, благодаря де Преверам, повидала немало элиты... Непременно напишите свой автопортрет ну или позируйте для другого портретиста – Ваше лицо просто необходимо запечатлеть на холсте...

Син быстро закивала, подтверждая слова матери, а Пол смутился и, взяв со стола небольшое круглое зеркальце, всмотрелся в собственные черты, на которые прежде никогда не обращал никакого особого внимания. И в этот раз он не заметил ничего такого, что могло бы поразить воображение художника или молоденькой женщины: волосы как волосы – обычные, черные, но брюнетов сейчас и без него предостаточно; нос слишком маленький и точеный для мужского профиля; глаза вот и вправду хороши – большие, карие – почти как у оленя, но только такие глаза, право, подойдут лишь барышне, мужчине они совершенно ни к чему. И Пол с недоумением отложил зеркало в сторону и тут же поймал на себе восхищенный взгляд Син:

– Как чай?

– Очень вкусный!

Через сорок минут Пол раскланялся с обеими милыми да-

мами и, пообещав непременно зайти на следующий день, отправился в свою комнатку в гостинице собирать вещи для предстоящего переезда.

У Пола уже очень давно не было женщины. В свои двадцать семь он не мог похвастаться богатым опытом общения с дамами: дома терпимости он с юности обходил стороной после того, как потеря невинности обернулась для него долгим и неприятным лечением, а обычные девушки никогда не вызывали никакой сердечной муки. Он был бы непрочь влюбиться, но всегда выходило так, что женщины либо вешались ему на шею, либо отвечали холодным отказом, и ему так и не удалось испытать ничего настоящего к моменту встречи с Син. Неприятный скандал, разразившийся в Лондоне прямо перед его отъездом во Францию, лишний раз утвердил его в мысли, что с женщинами он вряд ли научится находить общий язык. Уж, по крайней мере, с их родителями – так точно нет. Но, к его вящему удивлению, семья Пратчеттов по-домашнему согрела его сердце, и он вприпрыжку полетел в гостиницу, посвистывая на ходу.

За ночь в Париже выпал снег, укутав улицы и дома сплошной белой пеленой. Снежные зимы редки в этой части Европы, а Полу – коренному жителю туманного Альбиона – и вовсе впервые довелось увидеть по-настоящему солнечное, морозное и снежное утро. Он был портретистом, изредка баловался натюрмортами, но теперь в нем резкой волной поднялось желание выехать за город и попробовать напи-

сать едва ли не первый в жизни пейзаж: редкие деревья в белых пушистых покрывалах искрились в лучах взошедшего солнца, свет его отражался от белоснежных треугольников крыш и слепил безликие толпы прохожих, спешащих куда-то в этот неурочный час. Раздавались восторженные крики детей, скользящих по хрустящему, играющему на солнце мириадами цветов, снегу, оставляя после себя широкие и глубокие, словно вспаханные, борозды, во все стороны летели снежки, задевая случайно пробежавших мимо людей и оставляя на их спинах и боках холодные белые отметины. Воздух дрожал и звенел тонким хрусталем, готовым разбиться от малейшего неосторожного прикосновения. Солнце плясало, высвечивая самые красивые затаенные черточки обыкновенно грязного и мрачного Парижа, погружая его в волнующие бездны радости, света и искрящегося детского веселья.

Памятуя о давешнем обещании, Пол, уложив свою нехитрую котомку и, вернув ключ коридорному, прямым ходом направился в ближайшую кондитерскую за круассанами. В цветочном магазине денег ему хватило только на гвоздики, поэтому он купил их, попросив сынишку цветочника – за скромное вознаграждение – отнести цветы и кулек по указанному им адресу. Душу его едва ли не впервые в жизни вдруг наполнила тихая радость, ему вновь захотелось творить – не ради денег или славы, а для того, чтобы излить накопившееся внутри тепло.

Джеймс уже ждал его на Сен-Жермен, прыгая по сугробам

в неудачной попытке согреться. Мадам Люазо заметила их в окно и быстро замахала рукой, приглашая войти, поскольку дверь была открыта. Она была одета и держала в руках скромный чемоданчик, намереваясь передать студию в их полное распоряжение: овдовев, мадам Люазо решила переехать жить к своей сестре, а студию непременно сдать художникам – как и хотел в свое время ее покойный муж. Расплатившись и проводив хозяйку, Пол и Джеймс скинули вещи и еще раз осмотрели свое новое жилище. Теперь, при солнечном свете, оно показалось им куда более просторным и располагающим к занятиям живописью. Квартира состояла из двух комнат, небольшого коридора и кухни. Основную, самую просторную комнату, они сразу наметили под рабочее пространство, а спать определили во второй – поменьше, но при этом очень уютной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.